

УДК: 159.9

А. Г. Иценко, кандидат философских наук, доцент
Учреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, +375 (29) 246 27 56, alex_its81@mail.ru

ПРОЕКТ ФИЛОСОФСКОЙ ПСИХОЛОГИИ С. Л. ФРАНКА

В статье представлен историко-философский анализ воззрений русского философа-интуитивиста С. Л. Франка (1877—1950) на особенности соотношения философии и психологии в его версии проекта философской психологии. В контексте антропологической системы ученого анализируются его представления о природе человеческой личности и законах функционирования человеческой психики. В результате формулируется целостная концепция человека в научной философско-психологической системе С. Л. Франка. Делается вывод об оригинальном вкладе ученого в концептуализацию проекта философской психологии, который был широко представлен в психологической науке в России конца XIX — начала XX века. Резюмируется, что исходной позицией мыслителя выступает необходимость возвращения «души» в психологию как важной антропологической единицы, не редуцируемой ни к чувственно-психической, ни к физиологической составляющим человеческой природы, а проект в целом был логическим продолжением философско-религиозных интуитивистских, гносеологических и онтологических воззрений С. Л. Франка.

Ключевые слова: Семён Франк; история психологии; эмпирическая психология; философская психология; интуитивизм; философская антропология; проблема души.

Библиогр.: 22 назв.

A. G. Itsenko, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Institution of Education “Baranavichy State University”, 21 Voykova Str., 225404 Baranavichy,
the Republic of Belarus, +375 (29) 246 27 56, alex_its81@mail.ru

PROJECT OF S. L. FRANK PHILOSOPHICAL PSYCHOLOGY

This article presents a historical and philosophical analysis of the views of the Russian intuitionist philosopher S. L. Frank (1877—1950) on the peculiarities of the relationship between philosophy and psychology in his version of the philosophical psychology project. In the context of the scientist's anthropological system, his ideas about the nature of the human personality and the laws of functioning of the human psyche are analyzed. As a result, a holistic concept of man is formulated in the scientific philosophical and psychological system of S. L. Frank. The conclusion is made about the original contribution of the scientist to the conceptualization of the project of philosophical psychology, which was widely represented in psychological science in Russia in the late 19th — early 20th centuries. It is summarized that the thinker's initial position was the need to return the “soul” to psychology, as an important anthropological unit, not reducible to either the sensory-psychic or physiological components of human nature, and the project as a whole was a logical continuation of the philosophical and religious intuitionist, epistemological and ontological views of S. L. Frank.

Key words: Semyon Frank; history of psychology; empirical psychology; philosophical psychology; intuitivism; philosophical anthropology; the problem of the soul.

Ref.: 22 titles.

Введение. Психологам известно выражение немецкого психолога-экспериментатора Г. Эббингауза о том, что у психологии «давнее прошлое и короткая история», так как внутренним миром человека мыслители стали интересоваться с глубокой древности, а как автономное научное направление по классическим канонам новоевропейской науки психология появляется лишь в XIX веке как экспериментальный проект. Хотя, как отмечает В. В. Васильев, данная позиция ошибочна «по сути», поскольку возникновение психологии «связано с неоправданным отождествлением научной и экспериментальной психологии», поскольку научность не сводится к экспериментальности [1, с. 5—6].

При этом едва ли не сразу же после институционализации психологии как автономной дисциплины появляется проблема кризиса в психологии. Сама эта тема давно потеряла свою оригинальность, однако не утратила своей актуальности: о кризисе писали различные учёные

в самые разные периоды истории психологии. Как утверждают исследователи, диагноз кризиса в психологии встречается уже у Ф. Brentano (1874), а «первая специальная работа по кризису психологии» принадлежит ученику Р. Авенариуса Р. Вилли [2, с. 45]. Если рассматривать отечественных классиков, известна работа Л. С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса»; о кризисе размышлял и С. Л. Рубинштейн (напомним, что учёный представлял Марбургскую школу неокантианства, а его диссертация «К проблеме метода» напрямую касалась методологии). Активно поднимают эту проблему и современные учёные (В. Ф. Петренко, А. В. Юревич, А. Г. Асмолов, Ф. Е. Василюк, А. Л. Журавлёв, Д. В. Ушаков, Д. А. Леонтьев и др.). Так, В. А. Мазиллов, описывая «негативные тенденции» в психологии последних лет, констатирует: «...современная психология вплотную подошла к той опасной черте, за которой вполне вероятно ее исчезновение как фундаментальной науки... Существует перспектива “размывания” психологии, при котором психологическая наука рискует “раствориться” в большом количестве частных поддисциплин (“букет областей знания”, “конгломерат наук о человеке”). Уже идут разговоры о том, что, возможно, психология и не представляет собой единой науки, скорее это конгломерат различных наук о человеке» [3, с. 92]. Набор проблемных точек этого кризиса весьма широк: это и проблема определения личности, атомизация психологической науки на различные направления (говорят о «психологиях»), утрата целостности личности в процессе психологического анализа, отсутствие единой объясняющей теории, дисбаланс между фундаментальностью и прикладным характером психологии в пользу последнего, эклектизм в психологических исследованиях и т. д.

Еще в 60-е годы прошлого века Т. Кун, показав несостоятельность господствовавшей на то время кумулятивной модели развития науки, предложил новую модель, в рамках которой важное значение имеет история науки. При этом американский философ показал, что важно прорабатывать не только успешные проекты в науке, но и те, которые на конкретных этапах развития науки оказались не вполне успешными. «Устаревшие теории, — пишет Т. Кун, — нельзя в принципе считать ненаучными только на том основании, что они были отброшены» [4, с. 16]. Эпистемологический экстернализм Т. Куна делает акцент на постоянный пересмотр истории науки и важность статуса истории науки в развитии самой науки. Следовательно, чтобы иметь максимально объемную и рельефную картину сути современного психологического кризиса, важно понимать, как генезис отдельных его элементов в частности, так и видение исторического фона картины в целом.

В этой связи представляется важным рассмотреть в исторической ретроспективе одно из направлений в истории русской психологии начала XX века — философскую психологию как проект развития психологической науки сквозь призму воззрений выдающегося российского философа-интуитивиста, широко известного не только в российских, но и европейских интеллектуальных кругах¹ С. Л. Франка (1877—1950). По меткому выражению историка русской философии В. В. Зеньковского², «по силе философского зрения Франка без колебания можно назвать самым выдающимся русским философом вообще, — не только среди близких ему по идеям» [6, с. 802]. Биография С. Л. Франка достаточно насыщена событиями. Родился он в еврейской семье, учился в Москве, Казани, слушал лекции в Берлинском университете классика неокантианства Г. Зиммеля, посещал лекции в Гейдельбергском и Мюнхенском университетах. Пережил идеологическую и мировоззренческую эволюцию «от марксизма к идеализму», характерную для русских интеллектуалов тех лет (С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев). Работал на различных университетских должностях в Петербурге, Саратове, Москве. После вынужденной эмиграции 1922 года (выслан советским руководством как «буржуазный профессор») выступал с лекциями во многих странах Европы: Германии, Швейцарии, Голландии, Чехии и т. д. В конце 30-х годов философ переезжает во Францию, а после войны — в Англию, где и заканчивает свою жизнь [7, с. 8—29].

¹С. Л. Франк был близок и коммуницировал со многими европейскими интеллектуалами первой величины: философами, психологами (вел многолетнюю переписку с Л. Бинсвангером, был вхож в дом М. Шелера, общался с Н. Гартманом, лично был знаком с Р. Ле Сенном, Л. Леви-Брюлем, Г. Марселем и др.) [5, с. 54; 7, с. 17].

²Следует отметить, что магистерская диссертация самого В. В. Зеньковского самым непосредственным образом касалась философской психологии («Проблема психической причинности», 1914).

С. Л. Франк, как мыслитель, никогда не был обделён вниманием исследователей, различные стороны воззрений С. Л. Франка, в том числе касающиеся нами поднятой проблематики, изучали такие учёные, как Г. Е. Аляев [7], С. В. Алябьева и С. Я. Ягубова [8; 9], К. М. Антонов и Д. А. Ченцова [10], Е. С. Кожевникова, Е. А. Болотова (рассматривали философскую психологию мыслителя, абстрагируясь от исторического контекста) [11], А. А. Костригин [12], В. М. Летцев (сравнивает философскую психологию мыслителя с позицией другого русского философа Г. Г. Шпета) [13], И. В. Новичихина [14], Т. Оболевич, А. С. Цыганков [5], А. Л. Южанинова [15] и др. Следует сказать, что с 2018 года был запущен проект издания полного собрания сочинений С. Л. Франка, который возглавил профессор К. М. Антонов.

Материалы и методы исследования. Источниковой базой данной статьи являются работы самого С. Л. Франка, написанные им в разные этапы жизни в России и эмиграции как в предреволюционный, так и постреволюционный период соответственно. Методологическими подходами и методами, учитывая исследовательскую цель и задачи, выступили историко-генетический, системный и критико-аналитический подходы, философско-герменевтический метод (герменевтический круг, герменевтический треугольник), позволившие реконструировать, проанализировать и осуществить интерпретацию исследуемых идей С. Л. Франка, выраженных в его творческом наследии, оставаясь в методологической топике научных принципов объективности и историзма.

Результаты исследования и их обсуждение. Центральной работой в данном исследовательском контексте выступает программная публикация С. Л. Франка «Задачи философской психологии», напечатанная в журнале «Русская мысль» (1916). Именно здесь мыслитель лапидарно излагает основные идеи своего проекта философской/метафизической психологии, обосновывает неприятие развития психологии как исключительно экспериментальной науки, развивая своё понимание перспективы психологической науки. Наиболее фундаментальным трудом в рамках нашего исследования является «Душа человека» (1917), который мыслитель готовил в качестве диссертации на соискание докторской степени¹, и которая вышла отдельной монографией². Сам автор отмечает, что указанная книга является «продолжением и дополнением», «развитием» его гносеологической и онтологической работы «Предмет знания» (1916)³, а также «теоретической основой и исходной точкой для философского познания конкретного мира общественно-исторической жизни человечества», т. е. мира социального, понимание которого С. Л. Франк планирует изложить в завершающей книге своей трилогии — «исследовании по социальной философии» («Духовные основы общества», 1930). Сам мыслитель полагал, что в данной трилогии будет «изложение основного содержания и строения его (С. Л. Франка — А. И.) философского мирозерцания» [17, с. 5—6].

Важной также является адаптация для немецкоязычного слушателя основных идей вышеуказанной работы «Душа человека». Уже в эмиграции в Германии он делает выжимки из диссертации и готовит сначала выступление, а потом и статью на немецком языке, которую называет „Zur Metaphysik der Seele. (Das Problem der philosophischen Anthropologie)“. Как видим, подзаголовок (на русском «О проблеме философской антропологии») не двусмысленно фиксирует философско-антропологический статус данной проблематики [6; 18].

¹В своей автобиографии сам С. Л. Франк писал: «В 1917 г. моя работа “Душа человека. Введение в метафизическую психологию” была принята петербургским философским факультетом в качестве диссертации на соискание высшей ученой степени — доктора философии... Однако публичный диспут так и не состоялся из-за гражданской войны и последующей отмены научных степеней...» [6, с. 232].

²В одном из писем Л. Бинсванеру философ отмечает, что именно в этой книге обнаруживается близость его позиции с идеями швейцарского психиатра, «таких как критика обыденного понимания отношения души и тела, сенсуалистического материализма теории Джемса Ланге», «позитивная оценка внутренних телесных переживаний» [6, с. 80].

³Указанная работа была успешно защищена С. Л. Франком как магистерская диссертация в 1916 году. Показательно, что совет по защите предложил сразу присвоить докторскую степень, минуя магистерскую, но только авторитет профессора А. Введенского помешал этому (последний отметил: «Пусть напишет еще одну книгу») [7, с. 14].

Также нужно указать на ещё один источник, в котором С. Л. Франк излагал идеи, являющиеся предметом настоящего исследования, — «О природе душевной жизни» [19], изданный уже в эмиграции. Сам автор указывает, что идеи, изложенные в данном труде, «более полно и углубленно развиты автором в его книге “Душа человека” (Москва 1917)», при этом уточняет, что «приведены и совсем новые мысли, и привлечен новый материал» [17, с. 156].

Профессор В. В. Васильев, напоминая, что создателями философской психологии независимо друг от друга были немецкий философ Х. Вольф и шотландский философ Д. Юм, при чём эти варианты философской психологии существенно отличались, отмечает, что «И. Н. Теттенс синтезировал идеи Вольфа и Юма и далеко продвинулся в реализации вольфовского проекта философского учения о душе. Вместе с тем он выявил границы этой науки». Немецкая классическая философия, продолжает В. В. Васильев, в лице И. Канта продолжает эту традицию, «не только показав, что первоначально психической жизни ускользают от познания, но и связав это с устройством человеческой личности, немислимой без некоей фундаментальной неопределенности. В известном смысле философская психология в XVIII веке шла путем самопреодоления» [1, с. 8]. В конце XIX — начале XX века в рамках российского философского пространства проблематика философской психологии с различной степенью погружения поднимается в работах С. С. Гогоцкого, В. А. Снегирева, С. Н. Трубецкого, Г. И. Челпанова, Г. Г. Шпета, П. Д. Юркевича, Н. Н. Страхова, Л. М. Лопатина, В. И. Несмелова и, конечно же, С. Л. Франка. Следует сказать, что важность философии для психологии отмечали даже классики советской психологии. Давно стала классической работа великого психолога А. Н. Леонтьева «Философия психологии» (1994). Небезызвестной является фраза другого советского психолога А. А. Леонтьева: «Чтобы быть психологом, нельзя не быть философом» [20, с. 332].

В начале XX века С. Л. Франк также не был одинок в этой постановке вопроса о «подлинной психологии». По мнению исследователя жизнестворчества мыслителя Г. Е. Аляева, «“Душа человека” была откликом на интенсивные поиски мировой философской мыслью начала XX века (А. Бергсон, У. Джемс, Й. Ремке, К. Штумпф) новой парадигмы соотношения философии и психологии, которая могла бы преодолеть крайности как взаимного поглощения, так и полного размежевания» [7, с. 81]. В своих работах мыслитель часто упоминает не только классиков и видных философов и психологов предшествующей эпохи (Г. Лейбница, И. Канта, Ф. Шеллинга и М. Мен де Бирана, Р. Г. Лотце¹, Л. Бюхнера, К. Фохта, Я. Молешотта, К. Маркса и Ф. Энгельса), но и ведущих интеллектуалов своего времени: О. Вейнингера, А. Бергсона, П. Г. Наторпа, У. Джемса, П. Жене, З. Фрейда, Г. Когана и др. Как видим, С. Л. Франк тонко чувствовал современную ему проблематику и двигался в авангарде философских трендов мировой интеллектуальной мысли.

Центральная проблема, как её видит философ, заключается в «эмпирической, экспериментальной психологии», суть которой в том, что она провозгласила себя «психологией без души» [16, с. 23]. Для С. Л. Франка это принципиальная проблема, дело не в том, что сменился метод или фокус взгляда на предмет, проблема намного глубже: происходит «вытеснение одной науки совсем другою, хотя и сохраняющей слабые следы родства с первой, но имеющей по существу совсем иной предмет», учение о душе заменяется «учениями о закономерностях так называемых “душевных явлений”, оторванных от их внутренней почвы и рассматриваемых как явления внешнего предметного мира». Сам термин «психология» уже не соответствует своей семантической нагрузке, как «учение/наука о душе», «современная так называемая психология есть вообще не психология, а физиология», а конкретнее «учение о природе, о внешних, чувственно-предметных условиях и закономерностях сосуществования и смены душевных явлений» [16, с. 24—25]. Таким образом, экспериментальная психология «есть не чистая психология, а либо психофизика и психофизиология, либо же — что точнее уяснится ниже — исследование явлений хотя и не физических, но вместе с тем и не психических», в данной области совершенно элиминированы «душа», «духовный мир» как «живой,

¹С. Л. Франк явно симпатизирует идеям Р. Г. Лотце, прямо ссылается на его работы «Микрокосм» (1856—1864), «Основания психологии» (1984), цитирует, выносит отдельные идеи в эпиграфы [16, с. 23; 18, с. 261].

целостный внутренний мир человека, человеческая личность» [17, с. 3—4]. В конечном итоге данная позиция значительно занижает само достоинство человека, «человек есть не больше, чем комочек органической материи, и что поэтому его потребности исчерпываются материальными нуждами — потребностью быть сытым и беспрепятственно удовлетворять свое влечение к наслаждению», что приводит к вульгарному материализму, который логически ведет к тому, что «человек есть не что иное, как животное, и в качестве такового, не что иное, как комочек материи; вся его душевная жизнь есть лишь отражение материальных процессов, “души” в собственном смысле у него совсем нет» [19, с. 159]¹. Таким образом, центральной точкой критики экспериментальной психологии мыслитель видит в попытке элиминации души как «общей природы душевной жизни, как таковой» [16, с. 39], выведения её из предметной области психологии.

С учётом данных подходов С. Л. Франк фиксирует одну из задач философской психологии в следующем: «показать, что господствующее материалистическое отрицание человека, как подлинной и самобытной духовной реальности — отрицание, стоящее, как указано, в таком вопиющем противоречии с практическими заботами о благе человека и в корне обессиливающее и обеспоживающее эти заботы» [19, с. 160]. Следовательно, философская психология, по С. Л. Франку, — «общее учение о природе душевной жизни и об отношении этой области к другим областям бытия» [16, с. 39].

В такой ситуации, по мнению С. Л. Франка, более «научными» с точки зрения учения и постижения внутреннего духовного мира человека являются художественные произведения великих представителей высокой литературы, истории, мемуаристики, называя такие имена, как Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, Г. де Мопассан и Г. Ибсен, Г. Флобер, Х. Ф. Геббель и А. Ф. Амшель, Т. Карлейль, Т. Моммзен и В. О. Ключевский — «вот единственные учителя психологии в нашей время», — фиксирует философ [16, с. 25]. Показательно, что значительно позже, уже в конце 1980-х годов, всемирно известный интеллектуал и лингвист Н. Хомски напишет: «Вполне возможно — даже вероятно, как можно догадаться, — что мы всегда будем узнавать о человеческой жизни и человеческой личности из романов, а не из научной психологии. Способность формировать науку — это только один из аспектов нашего ментального дара. Мы пользуемся им, когда можем, но, к счастью, мы им не ограничены» [21, с. 159].

С. Л. Франк не был приверженцем того, чтобы «художники-мыслители» и «проповедники, мечтатели» занимались научной деятельностью «вместо учёных», в том смысле, что у первых свой язык описания и они не обязаны переходить на язык науки, поскольку у них другая задача, «плоды их духовного творчества достаточно ценны так, как они есть, и дают богатейшую пищу и научной мысли» [17, с. 8]. По мнению мыслителя, есть и позитивные сдвиги. Во-первых, «нужный материал действительной психологии» нередко можно обнаружить «среди талантливых клинических наблюдений над душевнобольными; и характерно, что, быть может, самое ценное и интересное в современной психологической литературе заимствуется ею из психопатологии, поскольку последняя основывается на живых наблюдениях над личностями и характерами как живыми целыми» [16, с. 26]. А во-вторых, и это С. Л. Франк отмечает уже в своём исправленном немецкоязычном тексте 1925 и 1929 годов, «многообещающее изменение» обнаруживается «с одной стороны, влиянием некоторых направлений психопатологии (здесь достаточно напомнить о школе Фрейда²) и, с другой стороны, успехом так

¹Следует отметить, что в наше время данная тенденция не только сохранилась, но и продолжает себя в работах выдающихся учёных — генетиков, приматологов и т. д., например, Ф. де Ваала («Истоки морали», 2014), Р. Сапольски («Кто мы такие? Гены, наше тело, общество», 2018; «Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки», 2019). С одной стороны, постулируется идея прав человека и его высокое достоинство, с другой — акцентируется внимание на низкой степени отличий человека от животных (приматов), делается попытка демонтировать свободу воли человека вплоть до полной её элиминации и т. д.

²Отношение к З. Фрейду у С. Л. Франка тоже не было столь позитивно однозначным и отличалось амбивалентностью. Как показывают последние исследования, С. Л. Франк отмечал положительный вклад в психологию и философскую антропологию, однако отмечалось, что «натурализм Фрейда не позволил последнему прийти к адекватному пониманию собственных открытий», а его нигилизм рассматривался как разрушительный по отношению к европейской культуре [10, с. 50—51].

называемой феноменологии» [18, с. 255]. Положительные сдвиги видит мыслитель и в «персоналистской психологии» В. Штерна, который «убедительно показывает, что все мотивы новейшей психологии — учение о цельности душевной жизни, открытие роли подсознательного, учение о психических “формах” (Gestalten) и др. — согласимы и сводимы в цельную систему лишь при допущении, что душевная жизнь есть обнаружение творческого саморазвития личности» [19, с. 235]. При этом научная честность С. Л. Франка не позволяет ему не остановиться на открытой критике своего друга и соратника Н. А. Бердяева. Хотя мыслитель и отмечает новаторство и талант русского философа, однако его «отрицание какой-либо связи философии с наукой и отождествление её с чистым, автономным творчеством, аналогичным искусству», прямо называет «философским декадансом» [16, с. 29—30].

Философ в контексте рассмотрения проблемы души и её адекватного исследования поднимает вопрос «религиозно-нравственного сознания», положительно оценивает «возрождение религиозных учений о душе», потому как «прежде всего ставит вопрос о смысле и назначении человеческой жизни... оно весьма существенно даже для успеха чисто научного знания, ибо ведет к расширению и углублению человеческого опыта», а по мнению мыслителя, «всякое расширение и углубление опыта ведет к обогащению знания». С. Л. Франк исходит из того, что религиозный опыт является важной духовной практикой, религия в этом смысле представляет человеку возможность, средства «работы» с душой, ведь «чтобы познавать человеческую душу, нужно прежде всего иметь ее опытно, нужно научиться опытно ее переживать — и именно этому научает религиозное сознание»; эта логика приводит его к тождеству религиозности и самосознания: «религиозность и самосознание в этом смысле есть именно одно и то же» [16, с. 26]. При этом предостерегает от «крайности отождествления душевной жизни с художественными или религиозными инспирациями или безответственными и, с точки зрения используемых понятий, чисто популистских рассуждений» [18, с. 257]. Также осуждал оккультные и теософские учения о душе, называя их «наивной фальсификацией науки» и «устранением научного знания» [16, с. 28].

С. Л. Франк решительно выступает против «психологической/психической атомистики» (в этом же ряду он ставит и «теорию “эпифеноменов”»), разделяющей духовный мир личности на различные автономные элементы. Он пишет о важности признания личностной «самости» как «особого объекта», поскольку только тогда возможно решить проблему психологического метода, выходя на «само-наблюдение», иначе «остается лишь наблюдение единичных, оторванных от своей родной стихии душевных процессов, сознаваемых лишь на чуждом им по существу фоне внешне-предметного мира» [16, с. 27]. При этом в более поздней работе он отмечает, что даже в западной психологии наметились направления, которые противостоят этой «атомистике»: А. Бергсон, У. Джеймс, вюрцбургская школа, «новейшая гештальтпсихология». Примечательно, что, критикуя того же У. Джеймса за его философскую позицию прагматизма, он всё-таки признаёт заслуги последнего, указывая, что американский психолог демонстрирует удачную попытку преодолеть расщеплённость духовного мира человека и сохранить целостность личности [18, с. 259].

Касательно проблемы метода в философской и эмпирической психологии (Франк в целом достаточно много места отводит гносеологическим проблемам, декларируя познание как «отношение человеческого сознания к истине и бытию» [16, с. 42]), то мыслитель здесь отмечает, что это важная, но «частная проблема этой науки, касающаяся лишь одной из сторон жизни человека», наряду с любовью, ненавистью, ценностными ориентациями и пр., что, по мнению Франка, не учитывает эмпирическая психология, теряя человека как «живой центр духовных сил, направленных на действительность» [17, с. 24]. И в этом эпистемологическое расхождение с философской психологией, поскольку даже интроспекция теряет свой методологический потенциал путём потери концептуального основания, она становится «внешним наблюдением в том смысле, что это есть наблюдение явлений как объектов, противостоящих наблюдающему субъекту и как бы отчужденных от него», — пишет Франк. Происходит личностный схизис, познающий человек раздваивается на субъект познания и объект его, «должно ускользать познание *живого* субъекта как такового; его предметом может быть лишь

то, что вообще может отчуждаться от субъекта — разрозненные, оторванные от живого центра единичные явления душевной жизни», а сама интроспекция теряет реальность личности, ускользает «действительное наблюдение внутренней, субъективной жизни». Между тем истинная интроспекция — это «живое отношение человека к действительности — все многообразие явлений любви и ненависти, утверждения и отрицания, стремлений и отталкиваний — есть именно та жизнь, которая может быть лишь действительно внутренне наблюдаема в самом ее переживании, в неразложимом единстве живого знания» [17, с. 25]. И снова мы видим эпистемологический акцент С. Л. Франка на его антропологическую идею личности как принципиально целостный феномен.

В связи с вышесказанным отметим, что С. Л. Франк высоко ценит «плодотворную идею» «предметной направленности или интенциональности» Ф. Brentano, указывая, что «она совершила крупнейший переворот в психологии и теории познания». Именно через «углубление в религиозный онтологизм средневековой мысли...» мыслитель объясняет успех Ф. Brentano, поскольку ему «через идею “интенции” впервые» удалось «подойти к человеческой душе не извне... а изнутри, как к живой личности, жизнь которой состоит в ряде отношений субъекта к миру и бытию» (к этой же мысли, по С. Л. Франку, смогли приблизиться Х. Эренфельс и А. Мейнонг) [16, с. 45—46]. Прорыв Ф. Brentano и его феноменологического проекта, как видим, философ связывает с его религиозно-философскими интуициями. Как справедливо напишет Аляев: «В “Предмете знания” и “Душе человека”, отдавая приоритет рационально-научной форме философского знания, считая философию “особой наукой” — посредником между наднаучной сферой религии, искусства, нравственности и сферой логического знания, — Франк уже однозначно признает особое значение религиозного опыта и интуиции для философии» [7, с. 25], в чём можно увидеть имплицитный намёк на важность трансдисциплинарности франковской философской психологии.

В рамках дискуссии с «атомистикой» С. Л. Франк ставит вопрос о темпоральности восприятия личностью внешних феноменов. Он не согласен с позицией, что «в каждый момент конкретно воспринимаемое явление есть необособимый отдельный элемент душевной жизни, а сама “душевная жизнь”, как целое, все же она не тождественна целостности “души”, ибо под душой мы разумеем единство, объемлющее все множество сменяющихся душевных состояний, весь временной поток душевной жизни человека от его рождения до смерти». Однако данное мнение исходит из ложного тезиса механистичности целого, утверждает мыслитель, душа же — «первичное единство, данное сразу в своей целостности». «В каждый данный миг, — продолжает философ, — и во всяком единичном душевном явлении присутствует... душевная жизнь как единство целого... Единство душевной жизни дано нам не только как единство одновременных ее состояний, но и как единство процесса, т. е. совокупности сменяющихся состояний. Наше душевное переживание есть по самому существу своему единство процесса, т. е. сверхвременное единство движения или смены...» [16, с. 35]. Таким образом, как видим, для С. Л. Франка целостность души имеет не механистический, а холистический характер, потому как «во всех частях присутствует сила и характер целого» [16, с. 36].

Некоторые современные исследователи, определяя основные положения дореволюционной философской психологии, среди прочего отмечают: «Философская психология рассматривает душу как субстанцию, как особое измерение бытия, которое не может быть сведено только к содержанию сознания, процессам, функциям или конкретным душевным явлениям...» [12, с. 39]. В целом большинство представителей российской философской психологии разделяют данную позицию, однако хотелось обратить внимание на позицию «души как субстанции», у С. Л. Франка здесь достаточно своеобразное понимание. В одном месте, где он размышляет над возможностью познания души, мыслитель прямо пишет: «Душа есть не “субстанция”, “бессмертная сущность”, “высшее начало”... не загадочная, мудреная вещь, о которой мы часто узнаем только из книг и в которую можно верить и не верить, а просто то, что каждый человек зовет самим собой и в чем никому не приходит в голову сомневаться», она «некоторое единство, нечто, первично-сплошное и целое» [16, с. 36—37]. В другом месте, где С. Л. Франк размышляет над соотношением «я—душа», утверждая в некоторой степени их

тождество («сама субстанция, сам корень нашего “я” — то, что мы в высшем и строжайшем смысле слова вправе называть нашей “душой”»), поясняет: «Под словом “субстанция” здесь надо разумеать нечто иное, чем то, что мы привыкли под ним разумеать в применении к предметному, в частности материальному миру. Это — не “носитель” как “субстрата”, в смысле неизменной и неподвижной основы или опорной точки всех состояний, качеств и процессов, а именно творчески-формирующая, притягательно-отталкивательная сила, существо которой состоит именно с одной стороны в ее формирующей действительности, а с другой — в её идеальной значимости, как луча живого абсолютного света» [17, с. 198].

Душа, как цельная реальность внутреннего мира человека, по мнению С. Л. Франка, и является центром духовной жизни и предметом подлинной психологии, реализуется она через «духовную жизнь». В итоге рассмотрения душевной жизни мыслитель «генетически и систематически» выделяет три её состояния: «Состояние чистой душевной жизни, состояние самосознания и предметного сознания и состояние духовной жизни» [17, с. 218—219]. «Высшей ступенью» для Франка является третье состояние — «духовная жизнь». В этом состоянии противоположность субъекта и объекта, «я» и «не-я» «хотя и не погашается, но существенно видоизменяется», поскольку субъектность личности «сознает себя, с одной стороны, в глубоком внутреннем сродстве с объективным бытием и, с другой стороны, в единстве со всеми другими “я”... Не теряя ни индивидуальности самосознания, ни объективности и отчетливости предметного сознания, а, напротив, углубляя то и другое, наша душа знает вместе с тем и ту единую в себе глубину, в которой коренится то и другое. Все подлинно-творческое, объективное и вместе оригинально-индивидуальное в нас есть проявление сознания этой глубины и её непосредственного присутствия в нас», — резюмирует мыслитель [17, с. 219].

Трудно не согласиться с позицией современного исследователя В. М. Летцева, что проблемы философской психологии могут интересовать исследователей не только в «порядке историко-философских или историко-психологических изысканий самих по себе (что также очень важно!), а в порядке установления возможных отправных пунктов для возрождения отечественной традиции научно-философского знания о душе¹, в порядке определения линий поиска и ориентиров для развертывания этого знания» [13, с. 121]. Тем более что многие проблемы, которые поднимает в философской психологии С. Л. Франк, сейчас рассматриваются в рамках аналитической философии. Как справедливо указывает В. В. Васильев, со второй половины XX века действительно происходит переоткрытие ментального, которое приписывают известному аналитическому философу Дж. Сёрлу. Последний фундаментальным образом ставит вопрос ментального, отмечая, что «ментальное как таковое должно быть предметом философского исследования... Возрождение философской психологии, или “философии сознания” (philosophy of mind), с новой силой ставит вопрос о ее специфической проблемной области и о ее отличии от экспериментальной психологии» [1, с. 6]. По существу, это тот же блок проблем, который около 100 лет тому назад проблематизировал С. Л. Франк в своем проекте философской психологии. Более того, следует прямо сказать, что конкретные блоки проблем, которые поднимает С. Л. Франк в своих работах, посвященных философской психологии, сейчас находятся в авангарде аналитической философии, в особенности в одном из актуальнейших её разделов — философии сознания (Д. Деннет, Р. Пенроуз, Дж. Сёрл, Д. Армстронг, Т. Нагель, Х. У. Патнэм, Пол и Патриция Черчленд). Это такие проблемы, как *hard problem of*

¹В этой связи хотелось бы упомянуть и работы известного учёного, доктора психологических наук, профессора Б. С. Братуся, посвященные теме «возвращения “души”» в современные психологические исследования («Психология — наука о психике или учение о душе?», 2000; «Проблема возвращения категории “души” в научную психологию», 2014, и др.). Профессор, отмечая необходимость междисциплинарного сотрудничества, пишет: «Возвращение души потребует возобновления диалога психологии с философией, их новой встречи после более чем столетия развития врозь». Задача это, как указывает Б. С. Братусь, «не только теоретическая, мировоззренческая, но и сугубо практическая, прямо обращенная к человеку, в частности, ко всем видам психологической помощи ему. Особенно это важно сейчас, в условиях распада связи времен, засилья бездушных манипуляций и технологий, погони за материальными благами...» [22, с. 11]. Категория «души» возвращается и в некоторые работы западных учёных: Н. Хамфри («Сознание. Пыльца души», 2014), в том числе в области “Neuroscience” — М. Борегар, Д. О’Лири («Научные битвы за душу», 2017) и т. д.

consciousness (трудная проблема сознания) (поставленная Д. Чалмерсом в его известной работе «Сознающий ум»), mind-body problem (проблема сознание-тело), проблемы физикализма, супервентности, квалиа и др.

Отметим, что в работе «Душа человека» С. Л. Франк выделяет целую главу (глава VIII «Душа и тело»), в которой поднимает целые пласты проблематики, входящей в mind-body problem. Названия параграфов указанной главы говорят сами за себя: «Влияние тела на предметное сознание и душевную жизнь», «Пространственно-временная зависимость души от тела и пределы этой зависимости», «Внутренние условия этой зависимости», «Критика теории “психофизического параллелизма”», «Подлинный характер взаимозависимости между душевной жизнью и телесными явлениями», «Онтологическое объяснение природы и возможности этой взаимозависимости» [17, с. 221—252]. Как видим, проблематика более чем актуальная, за вычетом некоторых терминологических издержек, объяснимых спецификой тезауруса современной С. Л. Франку психологии и философии начала XX века.

Необходимо отметить, что С. Л. Франк не просто теоретически разрабатывал проект философской психологии, но ему удалось даже попытаться воплотить в жизнь свои идеи в части реализации этого проекта. Когда по политическим мотивам в 1918 году его выслали из Петрограда в Саратов, там он занял должность декана созданного историко-филологического факультета и работал ординарным профессором Саратовского университета [6, с. 232]. Известно, что уже в том же 1918/1919 учебном году профессор приступает к реализации курса «Психология». В качестве пособий по курсу использовались работы У. Джемса («Психология»), Г. Гефдинга («Очерки психологии»), А. И. Введенского («Психология без всякой метафизики»), а также функционировал «Семинарий по основным вопросам психологии». Основой же его авторского курса была работа «Душа человека». В целях воплощения в жизнь своего проекта он вызывает из Петроградского университета своих единомышленников: философа-неокантианца В. Э. Сеземана, а также профессора А. А. Крогиуса, специалиста в области экспериментальной психологии [15, с. 88—89]. Можно с уверенностью предположить, что если бы не политические пертурбации, имевшие место в молодом советском государстве, и подозрительное отношение новых властей к философам-идеалистам, в том числе С. Л. Франку, вплоть до высылки его на так называемом «философском пароходе» из СССР, этот проект вполне бы мог иметь право на успешную реализацию.

В данной статье затронуты только некоторые аспекты философско-психологических воззрений С. Л. Франка, дальнейший анализ обозначенной проблемы будет представлен в следующей части.

Заключение. Проект «философской/метафизической психологии» в системе антропологических воззрений С. Л. Франка был встроен как промежуточный элемент его целостной философской концепции, при этом не менее важный, чем два других элемента: гносеология и онтология — философская психология — социальная философия. Философская психология, по С. Л. Франку, имеет органическую связь с религиозно-философской антропологией, а её понимание мыслителем вытекает из философско-интуитивистских позиций и пронизывает его вышеобозначенную философскую триаду. Данная философско-концептуальная конструкция опиралась на его знаменитую трилогию: «Предмет знания», «Душа человека», «Духовные основы общества». Хотя его взгляды в рамках указанной системы на протяжении жизни претерпевали некоторые трансформации, в целом ядро этих воззрений осталось нетронутым.

Философская психология как антропологический проект выступала альтернативой так называемой «эмпирической», или «экспериментальной», психологии, которая, по С. Л. Франку, атомизируя человека, тем самым ставила под вопрос его субъектность, по сути подводила к идее «смерти субъекта» (о чём чуть позже будет декларировано в постмодерне), дискредитируя тем самым психологию, как «учение о душе» ($\psi\upsilon\chi\eta$ душа, $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ учение). Элиминируя «душу», экспериментальная психология утрачивала свой аутентичный статус и с неизбежностью трансформировалась в «физио-логию».

Принципиальной позицией мыслителя является необходимость возвращения «души» в психологию не как некоторой эпистемологической метафоры, а как важной антропологической единицы, внутренней реальности личности, фундамирующей её целостность, не редуцируемой ни к чувственно-психической, ни к физиологической составляющим человеческой природы, а также важность интеграционных процессов и междисциплинарных связей между психологией и философией, которые смогут взаимно обогатить друг друга.

Таким образом, исследование философско-психологических воззрений С. Л. Франка приобретает актуальность не только в историко-психологическом или историко-философском аспекте, но и как перспективный фундамент для дальнейшего выстраивания теоретико-объяснительной модели личности.

Список цитируемых источников

1. *Васильев, В. В.* Философская психология в эпоху Просвещения / В. В. Васильев. — М. : Канон+, 2010. — 520 с.
2. *Двойнин, А. М.* Кризис в психологии или внутри нас самих? / А. М. Двойнин // *Вопр. психологии.* — 2016. — № 1. — С. 45—54.
3. *Мазилев, В. А.* Научная психология в поисках своего предмета / В. А. Мазилев // *Ярослав. пед. вестн.* — 2022. — № 3 (126). — С. 89—104.
4. *Кун, Т.* Структура научных революций / Т. Кун ; пер. с англ. И. Налетова. — М. : АСТ, 2020. — 320 с.
5. *Цыганков, А. С.* Немецкий период философской биографии С. Л. Франка (новые материалы) / А. С. Цыганков, Т. Оболевич ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М. : ИФ РАН, 2019. — 272 с.
6. *Зеньковский, В. В.* История русской философии / В. В. Зеньковский. — М. : Академ. проект : Раритет, 2001. — 880 с.
7. *Аляев, Г. Е.* Семен Франк / Г. Е. Аляев. — СПб. : Наука, 2017. — 255 с.
8. *Алябьева, С. В.* Феноменология души: Л. Н. Толстой и С. Л. Франк / С. В. Алябьева, С. Я. Ягубова // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина.* — 2015. — Т. 2, № 1. — С. 39—47.
9. *Ягубова, С. Я.* Природа и сущность души в философии С. Л. Франка / С. Я. Ягубова // *Гуманитар. исслед. в Вост. Сибири и на Дальнем Востоке.* — 2011. — № 2 (14). — С. 84—89.
10. *Антонов, К. М.* Две антропологические рецепции идей Фрейда: С. Л. Франк и Л. Бинсвангер / К. М. Антонов, Д. А. Ченцова // *История философии.* — 2020. — Т. 25, № 2. — С. 40—54.
11. *Кожевникова, Е. С.* Особенности и проблематика философской психологии С. Л. Франка / Е. С. Кожевникова, Е. А. Болотова // *Общество: философия, история, культура.* — 2023. — № 3. — С. 61—66.
12. *Костригин, А. А.* Отечественная дореволюционная философская психология как целостный подход к исследованию души человека / А. А. Костригин, В. А. Мазилев // *Психология и Психотехника.* — 2020. — № 2. — С. 38—52.
13. *Летцев, В. М.* К уяснению основной проблематики философской психологии / В. М. Летцев // *Вопр. психологии.* — 2012. — № 5. — С. 114—123.
14. *Новичихина, И. В.* Философско-психологические взгляды С. Л. Франка // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. «Познание».* — 2018. — № 6 (81). — С. 65—70.
15. *Южанинова, А. Л.* Родоначальник саратовской университетской психологической школы С. Л. Франк (к 145-летию ученого) // *Изв. Сарат. ун-та. Новая сер. Сер. «Философия. Психология. Педагогика».* — 2023. — Т. 23, вып. 1. — С. 85—93.
16. *Франк, С. Л.* Задачи философской психологии / С. Л. Франк // *Рус. мысль.* — 1916. — Год XXXVII, кн. X. — С. 23—49.
17. *Франк, С. Л.* Душа человека. Опыт введения в философскую психологию / С. Л. Франк. — М. : Изд-во Г. А. Лемана и С. М. Сахарова, 1917. — 252 с.
18. *Франк, С. Л.* О метафизике души (о проблеме философской антропологии) / С. Л. Франк ; пер. с нем. О. Назаровой // *Исследования по истории русской мысли : ежегодник за 2016—2017 гг. / ред. М. А. Колеров.* — М. : Модест Колеров, 2017. — С. 252—283.
19. *Франк, С. Л.* О природе душевной жизни / С. Л. Франк // *По ту сторону правого и левого : сб. ст. / под ред. С. Л. Франка.* — Париж : YMCA-Press, 1972. — С. 156—239.
20. *Леонтьев, А. А.* Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность) / А. А. Леонтьев. — М. : Смысл, 2001. — 392 с.
21. *Chomsky, N.* Language and the Problems of Knowledge / N. Chomsky. — Cambridge ; Massachusetts : MIT Press, 1988. — 205 p.
22. *Братусь, Б. С.* Проблема возвращения категории «души» в научную психологию / Б. С. Братусь // *Психология личности.* — 2014. — № 3 (15). — С. 3—12.

Поступила в редакцию 19.03.2024.